

Научно-учебная группа «Типологические особенности иранских языков». Иранистический семинар, Москва, НИУ ВШЭ, 09 декабря 2022 г.

Шугнанские имя и местоимение в диахронической перспективе

А. А. Сергиенко, А. О. Бадеев

(НИУ ВШЭ, Школа лингвистики / Институт классического Востока и античности)

0. Синкретизмы 3PL = 2PL, 1PL = 3PL в некоторых памирских языках

В некоторых памирских языках существуют показатели плюралиса -af и -an, которые появляются в разных лицах множественного числа, создавая интересные картины лицо-числового синкретизма.

Начнём с бартангского языка. В бартангском языке -an употребляется в 1PL и в 3PL. Показатель -af же употребляется в 2PL (всегда) и в 3PL (только при переходных глаголах). В настоящем времени -an также употребляется в 1PL и в 3PL, а -af (-at) - в 2PL, что объединяет парадигму настоящего времени с парадигмой непереходных глаголов прошедшего времени.

Лично-числовые окончания бартангского языка

	непереходные (PST) и NPST	переходные (PST)
--	---------------------------	------------------

1PL	-an	-an
2PL	-af	-af
3PL	-an	-af (реже -an)

Таким образом, в разных субпарадигмах бартангского языка наблюдаются разные синкретизмы: для непереходных глаголов и для н.вр. это синкретизм 1PL = 3PL, а для переходных - 2PL = 3PL.

Тот же паттерн синкретизма наблюдается в язгулямском языке (Эдельман 1966:53). Для переходных глаголов совпадают формы связки прошедшего времени в 2PL и 3PL, а для непереходных глаголов совпадают формы связки прошедшего времени в 1PL и 3PL.

Клитики PST язгулямского языка

	непереходные	переходные
1PL	-an	-an
2PL	-əf	-əf
3PL	-an	-əf

В язгулямском языке подобные синкретизмы появляются лишь в прошедшем времени, а в настоящем все глагольные лице-числовые формы PL различаются.

Несколько другая дистрибуция наблюдается в орошорском языке [Зарубин 1930: 107]. Там an употребляется в 1PL, а в 2PL и в 3PL употребляется -af, вне зависимости от переходности глагола.

Клитики PST орошорского языка

	все глаголы
1PL	-an
2PL	-af
3PL	-af

Клитики PST сарыкольского языка

В сарыкольском языке система такая же, как в орошорском (Kim 2017: 20)

	все глаголы
1PL	-an
2PL	-af
3PL	-af

Что удивительно, похожий синкретизм 2PL = 3PL отмечается также и в ваханском языке (который находится не совсем в одном ареале с вышеперечисленными языками). Что ещё более удивительно, синкретизм распространяется также на настоящее время, где совпадают формы 1PL и 3PL.

Клитики и окончания ваханского языка

	настоящее время	прошедшее время
--	-----------------	-----------------

1PL	-ən	-ən
2PL	-əv	-əv
3PL	-ən	-əv

Похожая система присутствует в ишкашимском языке с одним отличием: и в формах прошедшего времени наблюдается синкретизм 1PL = 3PL

Клитики и окончания ишкашимского языка

	настоящее время	прошедшее время
1PL	-on	-on
2PL	-bv	-bv
3PL	-on	-on (v)

Резюмируя представленные данные, мы бы хотели отметить следующее: совпадение показателей 1PL и 3PL (an - an) и 2PL и 3PL (af - af) наблюдается в множестве памирских языков. Легче сказать, где оно НЕ появляется: шугнанский, рушанский, мунджанский. Кроме того, в ваханском, в ишкашимском и в бартангском эти синкретизмы есть не только в прошедшем времени, но и в настоящем. Таким образом, синкретизмы в некоторых языках распространяются на несколько парадигм, а не на одну.

Мы бы хотели рассмотреть происхождение синкретизмов af-af и an-an.

Диахронический взгляд поможет понять, как вообще появились подобные синкретизмы.

Начнём с *an-an* (точнее, с наличия *-an* в формах 3PL и 1PL). Д.И. Эдельман (1990: 113) даёт различные этимологии для *an-1PL* и *an-3PL*. Форма первого лица возводится к энклитике **nah*, а форма третьего лица возводится к связке **hanti*. Позднее окончание *-an* в некоторых языках проникло из парадигмы прошедшего в парадигму настоящего времени.

Этимологии аффиксов *af-af* менее ясны. *Af* в форме второго лица возводится к форме энклитики **цах* (Эдельман 1990:113), (Пахалина 1988: 205). *Af* в форме третьего лица возводится к косвенной форме дейктиков III серии, ‘что естественно для показателя лица при переходных глаголах, (см. б. *uf*, рош. *waf*, с. *wef*), с утратой *w-* и выравниванием вокализма по типу заударного *a-*, возможно, по аналогии с *-af* 2 л. мн.ч.’. Далее Д.И. Эдельман приводит в пример язгулямскую связку 3 л. ед.ч. *au*, которая происходит из дейктика **ajah*.

Такая этимология подтверждается синхронными данными бартангского языка. [Карамхудоев 1973: 152] - употребление *af* в бартангском чаще всего триггерится наличием соответствующего демонстратива в косвенной форме (которые тоже заканчиваются на *-af*). В других переходных предложениях может использоваться и *-an*.

(1) *uf = af* *az* *xalq* *luvd*
 3PL.OBL = 3PL.TR from people say.PST
 ‘Они сказали публике’.

Однако это далеко не вся история. Помимо связи с дейктиками вроде *uf* в подобной форме (3PL) есть также связь с окончанием плюралиса, происходящим из окончания аблатива плюралиса **ajbiah*. По крайней мере, в нескольких языках,

где представлен синкретизм af-af, существует также субстантивная форма множественного числа, совпадающая с глагольным окончанием -af. Например, в ваханском языке показатель əv совпадает с показателем множественного числа в косвенных падежах имён существительных, см. kənd-əv (женщины-PL.OBL) vs. ʃnətk = əv (говорить.PF = 3PL). Такие параллели можно провести не во всех языках (например, в бартангском нет соответствующей формы плюралиса).

Стоит отметить, однако, что это нисколько не исключает этимологию Д.И. Эдельман, поскольку сами дейктики вроде wev (с которыми она сближает окончание 3PL) происходят от формы древнеиранских демонстративов от основы *aја в дативе-аблативе - а происхождение множественного числа типа əv такое же (от формы датива-аблатива).

Подобные паттерны синкретизма являются проблематичными для некоторых теорий морфологии, а именно DM и наносинтаксиса. В части приведённых парадигм имеется синкретизм форм 1 и 3 лица. Например, в ишкашимском языке в прошедшем и настоящем временах формы 1 и 3 лица множественного числа совпадают, а второе лицо имеет особую форму бv:

Клитики и окончания ишкашимского языка

	настоящее время	прошедшее время
1PL	-on	-on
2PL	-bV	-bV
3PL	-on	-on (v)

Дело в том, что существует идея об иерархической структуре признаков лица: 1 > 2 > 3. Более того, эта иерархия предполагает структурную вложенность форм третьего лица в формы первого и второго. Соответственно, когда совпадают не

“соседние” формы, а синкретичные формы разбиваются на разные части иерархии, это становится проблематичным для теории.

Подобные данные наблюдаются также в германских языках, например, в немецком, где во множественном числе наблюдается синкретизм окончаний 1PL и 3PL.

(16) Person-number agreement in German regular verb *rauchen* ‘to smoke’

	SG	PL
1	rauch-e	rauch-en
2	rauch-st	rauch-t
3	rauch-t	rauch-en

Существуют разные способы рассмотрения таких данных в подобных теориях: изменение геометрии признаков или сведение подобных показателей к алломорфии плюралиса. В этом докладе анализ подобных памирских данных рассматриваться не будет.

1. Имя

1.1 Аффикс мн.ч.

В памирских языках представлено несколько аффиксов мн.ч. с различными этимологиями. В шугнанском языке самый распространённый аффикс - *en*. Д.И. Эдельман возводит этот показатель к форме **-āni* - показателю ном. мн.ч. ср.р. (Эдельман 1990: 163)

Суффиксальный показатель мн.ч. из древней флексии род. падежа **ānān* представлен в шугнанском и рушанском в виде *-en*, *-uɛn*, а также *-yūn*, *-gūn*.

(Расторгуева 1975: 226). Этот аффикс менее употребителен и используется главным образом с одушевлёнными существительными.

	*ānān (GEN.PL)	*-āni (NOM.PL.N)	*aebiio (ABL.PL)	-ҳо (таджикизм)	*ḡwa (суффикс соб. множ.)
шугнански й	yūn	-en			
рушанский	yon	-en			
орошорски й		-en****	-īf*		
сарыкольск ий			-ef**		
ваханский			-əv***		
ишкашимск ий				-o	
язгулямски й		-en*****			-aḡ

*не генерализован

**выражает PL.OBL, в прямом падеже маркер PL - heyl (Kim 2017)

***выражает PL.OBL

****редко

*****с одушевлёнными

1.2 Вторичные падежи -ard / -and

1.2.1 -and и -andīr

В современном шугнанском языке отмечены послелогои -and и -andīr.

По мнению Т.Н. Пахалиной (1969: 44), это два разных послелогоа, где первый обозначает принадлежность, а второй - положение внутри.¹

У послелогоа -and разные рефлексы в родственных языках, см. руш., бар., ор. -а, сарыкольское -ап. Кроме того, во всех указанных языках у когнатов -and есть посессивные значения: предикативной посессивности вроде (“у меня есть”), а также двойной посессивности (см. Ронько 2021).

В монографии (Morgenstierne 1974: 14) даются праформы для обоих послелогов: для -and это **antar*², для andīr это **antar-ya*.

¹ В таджикском языке существует локативный послелог -анда, несущий локативную семантику бозоранда - на базаре, хонанда - дома (Perry 2005: 101). См. -andīr в классическом персидском. В качестве примера один бейт Рудаки, демонстрирующий это послелог:

أفرین و مدح سود آید همی
گر به گنج اندر زیان آید همی

āfarin-u madḥ sūd āyad hamē
gar ba ganj andar ziyān āyad hamē

*Хвала и воспевание приносят пользу,
Коли наносится урон казне.*

² Более точная праформа будет **Hantár*. См санскритское अन्तर (antar - ‘внутри’).

По-видимому, в шугнанском языке произошла контаминация посессивного *-and* и локативного *-andîr*. В корпусе нашлось 7 примеров *-andîr* в сравнении с 335 примерами *-and*. В современном шугнанском почти не употребляется *andîr*, а у *-and* есть и локативное, и посессивное значение.

Посессивное значение у *-and* фиксируется довольно давно. Уже в (Shaw 1877) существует *-and* в посессивном значении:

- (2) *pâdskhâh-and* *razîn sut*
 падишах-ЛОС дочь статья.PST
 ‘To the king a daughter was (born)’

Напротив, во всех локативных контекстах в этих текстах XIX в. используется послелог *-andi*.

1.2.2 *-ard*

Послелог / падеж *-ard* — это:

1. рефлекс послелога **rādiy* (Расторгуева 1975: 191), который в западноиранских развился в маркер прямого дополнения (см. белуджский, фарси).
2. рефлекс авестийского **arəda* (мнение Morgenstierne 1974: 66)

Он сильно варьируется даже в рамках шугнанского языка: *-ard*, *-ra* (идиолект Шахло), руш. *-ri*, сар. *-ir*.

2. Местоимение

2.1 Парадигма личных местоимений (Эдельман 1990):

	Шугнанские личные местоимения	Исходные праиранские основы	Падеж праформы
1SG NOM	wuz	*azam	NOM
1SG OBL	mu	*mana	GEN
2SG	tu	*tuɟam	NOM
1PL	māš	*ahmākam > *māx	GEN
2PL	tamā	*ušmākam > *ta/u-māx	GEN; инновация памирских и пашто: детерминатив 2 лица + 2PL

В большинстве юго-восточных языков основы 1PL и 2PL оказались неразличимы, вследствие чего форма *māš* закрепилась за первым лицом, а для второго лица была выработана новая основа (Эдельман 1990, 211).

В других памирских различаются основы 2SG.NOM и 2SG.OBL. Формы 2SG.OBL руш. *tā*, хуф. *taw* восходят к генитиву **taua*.

В рушанском языке есть форма *тип-ā* (у меня), где косвенная основа — *тип-*, а не *ти-*, как в остальных языках шугнано-рушанской группы.

Есть проблема этимологии ваханского *taž* (косвенной формы 1SG). Пахалина (1989: 30) реконструирует несколько праформ, но все из которых сводятся к добавлению **-ga* — энклитической усилительной частице (**ma-ga*, **mat-ga*, **tam-ga*).

2.2 Парадигмы демонстративов (Эдельман 1990, Эдельман 1976)

Серия	Число	Падеж	Род	Шугнанские демонстративы	Исходные праиранские основы	Падеж праформы
1	ед.	прям.		yam	*imah, *imam	NOM
		косв.	м.	mi	*imahja	GEN
			ж.	mam	*imām	ACC ³
	мн.	прям.		māδ	*imah-tā	NOM
		косв.		mēv	из *-aibi-	INSTR, DAT-ABL
2	ед.	прям.		yid	*aitah, *aitam	NOM
		косв.	м.	di	*aitahja	GEN
			ж.	dam	*aitām	ACC
	мн.	прям.		dāδ	*aitah-tā	NOM
		косв.		dēv	из *-aibi-	INSTR, DAT-ABL
3	ед.	прям.	м.	yu ⁴	*aṣah, *aṣam	NOM

³ Возможно, появление аккузатива здесь связано со стремлением языков сохранить родовые различия при совпадении м. и ж. рода рефлексов генитива (Эдельман 1990, 224).

⁴ *yiw / *yāw (Эдельман 1990, 224)

		ж.	yā	*aṣā или *hāu?	NOM
	косв.	м.	wī	*aṣahja	GEN
		ж.	wam	*aṣām	ACC
мн.	прям.		wāδ	*aṣah-tā	NOM
	косв.		wēv	из *-aibi-	INSTR, DAT-ABL

Возможно происхождение форм мн. ч. косв. п. из сочетаний типа ‘тот, [который]’
**aṣah-aṣadā* > **awa-wadā* > *wāδ* (Эдельман 1990, 225).

Т.Н. Пахалина предлагает выводить формы ед. ч. косв. п. ж. р. из праформ аблатива ср. р. на **-hm-* (**imahmat* > *tam*) (Пахалина 1989, 188). формы мн. ч. косв. п. на *-ēv* предлагается выводить из **ab/fi* (**ab/fa*) ‘общий, в союзе с, весь’ (ср. ав. *aibi*, *aiwi*, *avi*, *api*), рефлексы которого представлены в иранских языках (ср. шугн. *rodev* ‘в ноги, в ногах’, также встречается в топонимах ш. *Porǰnev*, *Bojev*; парф. *bag-if-t* ‘боги’, курд. *tərv/f* ‘народ, люди’ при *ter* ‘человек’ (Пахалина 1989, 218).

При этом древнеиранские местоимения (Kent 1950, Reichelt 1909)

1	a-, ana-, ī-, ima-
2	ha-, ta-, hva-, aēta- , aēša-
3	auua- , hāu-

В шугнанском языке достаточно четко прослеживается соответствие с древнеиранскими основами демонстративов.

3. Именная группа

3.1 Генитив *-i* в язгулямском и ваханском

Как мы помним, в шугнанском и в других языках шугнано-рушанской группы в ИГ нулевое маркирование. См. шугнанское *tāt čīd* (дом отца).

Однако в других памирских языках есть отклонения от этой стратегии. В язгулямском языке есть “показатель атрибутивности” (Эдельман 1966:28). Он употребляется в двух случаях: в посессивной конструкции вроде “дом отца” и при атрибутивном прилагательном. Вот примеры:

Xi wus-i tərda

REFL телёнок-GEN труп

‘Труп своего телёнка’

əf-i cəl-dūr-i vred

ZPL.OBL-GEN маленький-COMP-ATTR брат

‘Их младший брат’

При этом в обоих случаях этот показатель опциональный: то есть, он может опускаться.

4. Библиография

Reichert, H. Awestisches Elementarbuch. Heidelberg: C. Winter, 1909.

Tedesco, Paul Maximilian “*a*-Stämme und *aya*-Stämme im Iranischen,” *ZII* 2, 1923b, pp. 281–315.

Додыхудоева Л.Р. Шугнанский глагол в историческом освещении. - Душанбе: Дониш, 1988. 200 с.

Расторгуева, В.С., Опыт историко-типологического исследования иранских языков.. Том 2. Эволюция грамматических категорий. Наука, М., 1975.

Соколова, В.С., Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Наука, Л., 1967.

Юсуфбеков, Ш.П. Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы: семантико-прагматические аспекты. М.: Азбуковник, 1998. 151 с.

Эдельман, Д.И. К истории язгулямских и шугнано-рушанских указательных местоимений // Иранское языкознание: История, этимология, типология (к 75-летию проф. Абаева). М., 1976.

Эдельман, Д.И. Сравнительная грамматика восточно-иранских языков: Морфология. Элементы синтаксиса. М.: Наука, 1990. 287 с.